

1 БӨЛІМ.
ТІЛ БІЛІМІ ЖӘНЕ ӘДЕБИЕТТАНУ

РАЗДЕЛ 1.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

SECTION 1.
LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

УДК 81-22
МРНТИ 16.41.35

[DOI: 10.52301/2957-5567-2024-3-2-9-27](https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-9-27)

А.Е. Андирова

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан*

 <https://orcid.org/0000-0002-7887-423X>
email: andirovaalina@gmail.com

А.К. Каиржанов

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан*

 <https://orcid.org/0000-0002-3724-1022>
e-mail: kairzhanov@list.ru

**КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ПОСЕССИВНОЕ
МЫШЛЕНИЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ
(на материале рунических памятников письменности)**

Аннотация. В предлагаемой статье обосновывается посессивное мышление древних тюрков и исследуется категория принадлежности в различных текстах древнетюркского языка, образованная синтетическим морфологическим способом, то есть при помощи аффиксов принадлежности. На основе различных исследований ученых, авторами обозначена актуальность тематики притяжательных конструкций в древнетюркском языке, так как аффиксы принадлежности обладают «неотчуждаемыми» свойствами принадлежности, присущими только для тюркского мироощущения древнейшей поры. Несмотря на то, что формы принадлежности немало исследовались, существуют виды притяжательности, требующие более детального изучения, с целью пополнения теоретическими историческими данными основных путей формирования и причин их возникновения, грамматических способов их образования и использования их как средства выражения синтаксических отношений. Авторами была выдвинута цель исследования: выявить особенности посессивного мышления древних тюрков, отраженные в аффиксах принадлежности и как выражается и лицо, и число субъекта «неотчуждаемого» обладания. Анализируется специфическая особенность мировоззрения кочевников Великой степи, связанная средствами выражения принадлежности, появившегося благодаря грамматической рефлексии, и сохранившегося во всех современных

тюркских языках. На эмпирическом материале памятников рунической письменности выявляется природа происхождения и функционирования аффиксов принадлежности в древнетюркском языке.

Ключевые слова: посессивность, «неотчуждаемая» принадлежность, праформа, синтетизм, аффиксы, аккумуляционные процессы.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 16.03.2024

Дата приемы в печать: 06.05.2024

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что многие аспекты тюркского словообразования, включая аспекты, связанные с категорией принадлежности в тюркских языках, остаются недостаточно исследованными и нерешенными. В современной теории тюркской деривации существует неопределенность в терминологии, отсутствует удовлетворительная методика описания явлений словоизменения и словообразования, и используются неоднородные критерии для определения статуса аффиксов принадлежности и выделения способов их формирования. Современная тюркология не занималась вопросами выделения общих черт в аффиксах слов различной сложности, определения их словообразовательной и словоизменительной форм и общего значения, а также выявления соответствующих словоизменительных и словообразовательных моделей аффиксов принадлежности. Настоящая статья направлена на решение этих вопросов путем установления системной организации изучения, а именно, выяснения, каким образом выражается посессивное мышление в аффиксах принадлежности в древнетюркском языке, и на исследование некоторых аспектов категории принадлежности (Краснощеков, 2013, с. 18–24).

Кроме того, наше исследование имеет актуальность в связи с анализом категорий принадлежности в языке и мышлении древних тюрков. Мы фокусируемся на синтетических морфологических методах словоизменения и формирования посессивных отношений, оставляя за рамками анализа лексические и синтаксические средства выражения этого значения. Например, рассматривая контекст, относящийся, по мнению автора статьи, к 30-м годам 1 века н.э.: «*oj sänhir älšig iti* – «*посла ой-сенгира пайцза*» мы видим, что значение принадлежности определяется через связь с высоким или высшим лицом (ср.: *sä* хуннский титул «*шаньюй*» ‘*высший, высокий*’) (Сарткожаулы, 1990, с. 21–23). В данном небольшом контексте мы видим использование синтаксических средств для отражения относительной номинации. Это проявляется, например, в аналитических образованиях, аналогичных таким конструкциям в русском языке, как «его книга» или «книга Сергея».

Если рассматривать логическую и смысловую природу категории принадлежности, и ее семантической составляющей, то перед нами в древнетюркском языке появляется категория, относящаяся к области взаимоотношений вещей. Тюркское сознание и мышление было подвержено той рефлексии над взаимоотношениями вещей, когда человек стремился выделить эти отношения из

структуры магически осмысляемых материальных связей, находясь в ритуальном обществе. В прототюркскую эпоху еще, по-видимому, не сформировались в полной мере причинно-следственные связи во времена взаимодействия с окружающими человека предметами. В это время мышление начинает активно выделять категорию принадлежности, благодаря тому что, по-видимому, племенной союз перешел на другую ступень развития, находясь в структуре общинно-родового строя. Категория принадлежности возникает раньше появления сознательного «Я». Появляется посессивное мировоззрение, когда четко и ясно фиксируется специальными языковыми показателями посессивность. Так, Л. Леви-Брюль отметил, что в меланезийских языках произошло разделение существительных на два класса. В первом классе имена, описывающие части тела, родственные связи и предметы, окружающие человека, формируются с использованием специального притяжательного аффикса. Во втором классе применяется отдельное притяжательное слово, стоящее в начале имени, и этот класс может включать в себя другие предметы, не охватываемые первым классом: *tama* (отец), *tamaga* (мой отец), *ulu* (голова), *ulum* (твоя голова); *mal* (одежда), *nugu mal* (моя одежда) (Леви-Брюль, 1950, с. 210). Если исходить из древнетюркского эмпирического материала, то в этом случае появляется некое отождествление органического и социального (влияние пантеизма и тенгризма), то есть возникает тождество биологического организма и социальной организации тюркского племенного союза (Äl). Однако это отождествление имеет и другое отождествление: живая цельность прослеживается на различных предметах, что доказывает особенности рефлексивного первобытного мышления, исходящего в органических представлениях, распространяемых на все области бытия. Сравните, например, в современном казахском языке числительное «семь» (*seviz*). Это числительное, да и другие, могут быть заменителями имени, и тогда при помощи аффикса притяжательности (-im) приобретает синтетическое посессивное значение. По-видимому, существовало и более древнее отождествление, связанное с мышлением и отразившееся в древнетюркском языке. Такое отождествление обозначается как отождествление индивида с природой, связанное с пантеистическими представлениями пратюрков.

Мы можем привести некоторые свидетельства о том, что синтетические формы принадлежности возникли намного раньше, чем, например, изафетные конструкции. По-видимому, они оказались на рубеже двух эр не завершенными явлениями в древнетюркских руно подобных одиночных надписях Южной Сибири. Сравните, например: «1. *Ini ergü äbi*. 2. *Bitidim*. 3. *Kiši oğl(i)η (i)g(ä)*». – «Я написал (выбил надпись). Это жилище (место). Сынов человеческих, (храни) Владыка!» Эти три строки связаны друг с другом, первые две представляют собой метку на владение местом стоянки человеком, охраняемым духом-хозяином этого места. Однако в третьей строке в сочетании изафетная конструкция осталась незавершенной, то есть аффикс принадлежности отсутствует (Васильев, 2013, с. 81–82).

В первобытную эпоху человек меньше всего ограничивал свое сознательное «Я», которое состоит из многих предметов и вещей окружающего его мира, включая продукты питания, коней, слуг, оружие, одежду, что принадлежало только владельцу и не могло принадлежать другому лицу. Об этом свидетельствуют археологические разыскания и обычаи, описанные в памятниках рунической письменности, когда, например, умирал Кюль-тегин, то существовал обряд трупосожжения и вместе

с покойным умерщвляли его личного коня, слуг и супругу (Лосев, 1982, с. 290–302). В языке существовала разветвленная система притяжательных аффиксов. Например, при анализе текстов «Памятника в честь Кюль-тегина» (VIII в.), мы наблюдаем рудиментарные аффиксы древнего недифференцированного мировоззрения древних тюрков (Kairzanow, 2018, с. 2–21). В языке фиксируется в виде дифференцированных и детализованных представлений посессивности. Сознательное «Я» – «не-Я» в значении притяжательных аффиксов остается нерасчленёнными. Действительно, в древнетюркскую эпоху язык койне письменных текстов находился на прономинальном уровне своей эволюции. Постепенно формировалось представления о сознательном «Я», о субъекте и субстанции при помощи грамматических форм посессивности. Однако это сознательное «Я» в течение длительного времени оставалось недостаточно дифференцированным от закономерностей природы и социальных норм племенного союза. Такое явление обозначается как «неотчуждаемая принадлежность» человека (Лосев, 1982, с. 292). В течение времени наблюдаем переход от фетишизма к анимизму и формирования прономинального строя языка (Сепир, 2019, с. 133).

Таким образом, в древности человеческому мышлению было проще выявлять свойства и характеристики предметов и затем указывать, кому они принадлежат, чем выявлять конкретные связи и отношения между различными объектами. В древние времена человеческое мышление начало выделять отношения принадлежности из обширного спектра взаимосвязей явлений. Это произошло в первую очередь из-за ввелингвистических факторов, таких как уникальные особенности организации жизни, например, древних тюрков, которые были подвержены центростремительному влиянию общности. Коллективность была связана с племенным союзом «Эль» (Äl). Значение и сила принадлежали не индивиду «Я» (bän, män), а коллективному сознанию, которое регулировало жизнь каждого члена в рамках племенного объединения или рода.

Итак, целью нашего исследования является определение особенностей посессивного мышления древних тюрков и историко-философского обоснования синтетической природы категории принадлежности в древнетюркском языке.

Необходимо отметить, что изучения категории принадлежности тюркского языка определяется тем, что она не получила отдельного специального изучения в трудах многих ученых-тюркологов. Так, в трудах европейских ученых начала XX века подвергались исследованию грамматика конкретных тюркских языков. Были исследованы морфология, и пристальное внимание было обращено на отдельные аффиксы словообразования и словоизменения, были определены их значения и функции (Bang, 1918, с. 48). Так, аффиксы посессивности были определены в составе слова (например, sači) (Bang & Gabain, 1929, с. 188). Эти аффиксы были определены и в составе сочетания лексем, первым компонентом которых являлось личное местоимение: *bäniñ bodunum* (Т. 21); *biziñ kulañimiz* (Le Coq, 1922, с. 23). Эти исследования заложили основу для дальнейшей связки с общей грамматической структурой конкретного исследуемого тюркского языка или группы языков. И позже в первой половине и в середине XX века появились труды, посвященные теоретическим основам грамматики тюркских языков, когда тюркологи обратили свое внимание на изучение категории принадлежности, подвергая исследованию древнейшие рунические памятники письменности (Севортян, 1956, с. 43). Впервые

было выделена черта этой категории, что она выражает не только посессивность, но и притяжательность в широком смысле слова (Севортян, 1956, с. 43).

В современных научных исследованиях наметилась тенденция изучения процессов словообразования в функционирующих тюркских языках. Так, Р. Мухамедова в книге «Kazakh a Comprehensive Grammar» в разделе «Морфология» определяет два типа аффиксов: местоименного и притяжательного (Muhamedova, 2015, с. 108). Для изучения тюркских языков России и Казахстана появляется ряд проектов. Например, в рамках проектов: «Шорика» (Э. Марсель) были изучены наряду с другими уровнями языка и словообразование тюркских языков Южной Сибири. В области морфологии шорского языка был создан автоматизированная система для морфологического анализа. Этот анализ проводился исследователями вручную на основе словаря аффиксальных морфем и шорско-русско-английского справочника путем выбора адекватного значения лексемы и аффикса, соответствующего анализируемой грамматической форме. Разбивка словоформы на морфемы, указание их грамматического класса и перевод на русский язык, а также передача этой информации на английском языке происходила автоматически (Есипова, 2000, с. 22–23). Другой проект «Чалканика» позволил опубликовать ряд работ. Так, в ФРГ был издан первый том с исследованиями по чалканскому языку (Erdal, Nevskaya, et al., 2013, с. 18). Мы можем привести в этом плане обзор еще одного проекта на базе Свободного университета г. Берлин и ЕНУ имени Л. Н. Гумилева г. Астана («Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане» (И.А. Невская, К. Шёнинг)). Исследуя социолингвистические данные, они стремились проанализировать результаты явлений аккультурации, которые возникли в процессе продолжительного контакта и постоянного проживания тюркских и славянских народов на одной и той же территории. Подверглись исследованию язык турков-ахыска, были изучены особые случаи словообразования в этом языке (Невская, Тажибаева, 2014, с. 19–34).

На основе этих проектов началось активное исследование и категории посессивности в тюркских языках: на материале телеутского, чулымско-тюркского, башкирского, якутского и других тюркских языков (Токмашев, Лемская, 2015, с. 24–35). Однако пока не проведены исследования, которые обобщали бы знание о посессивном мышлении древних тюрков и предоставили бы историко-философское обоснование категории принадлежности тюркских языков в диахроническом аспекте (Тенишев, 1988, с. 198). Отметим, что эта категория подверглась философскому осмыслению в начале и в середине XX века, посвященные в основном полинезийским языкам (Леви-Брюль, 1950, с. 210). Поэтому мы в нашей статье, опираясь на исследования наших предшественников, пытаемся заполнить этот пробел в этой области тюркской философии языка.

Материал и методы

Исследование проводилось на основе научного анализа источников, посвященных этой теме. Основным материалом для исследования стали труды таких ученых как И.А. Невская, Л.Н. Тыбыкова, М. Эрдал, Д.Д. Васильев, М. Жолдасбеков, К. Сарткожаулы, К. Конкобаев, Н. Усеев, Н. Шабданалиев. Важную роль в изучении категории принадлежности сыграл труд И.А. Невской, Л.Н. Тыбыковой, М. Эрдал «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного

Алтая», так как данный каталог представляет все зафиксированные на сегодняшний день 90 рунических памятников Горного Алтая, результаты их документации и расшифровки как предыдущими поколениями рунологов, так и авторами данной монографии. В сводной таблице и конкордансе надписей предоставлена информация о месте и дате обнаружения, первооткрывателях и авторах расшифровок, а также точные географические данные местонахождения надписей, при их наличии. Труд Д. Д. Васильева «Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири» сыграл важную роль в собирании примеров использования аффиксов принадлежности в древнетюркских памятниках письменности. В этой книге представлено множество эпиграфических материалов, ранее неопубликованных. Труд снабжен серьезным историко-филологическим комментарием, а сами тексты представляют собой уникальный источник информации о раннесредневековой истории коренных народов Южной Сибири. Кроме того, они свидетельствуют о широком распространении грамотности в кочевой среде и соответствующем уровне цивилизации (Васильев, 2013, с. 28). Немаловажную роль в изучении аффиксов принадлежности сыграл труд авторов М. Жолдасбеков и К. Сарткожаулы «Атлас Орхонских памятников» (Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 1–27). В Атласе представлены обобщенные исследования многих ученых, которые более столетия занимались изучением различных аспектов Орхонских памятников. В нем описаны результаты работы всех экспедиций, проводивших изучение оригинальных документов на месте их обнаружения: финских и российских экспедиций XIX века, монголо-чешской, монголо-турецкой и монголо-советской в XX в., широко представлены новейшие материалы, полученные экспедицией ЕНУ имени Л. Н. Гумилева и Президентского центра культуры Республики Казахстан. В труде «Атлас Орхонских памятников» авторы предложили новые транскрипции и интерпретации текстов, а также предоставили обширные изображения высеченных текстов и связанных с ними культовых объектов. Нельзя не отметить труд «Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай» археологов К. Конкобаева, Н. Усеева, Н. Шабданалиева. В данном труде были полномасштабно исследованы древнетюркские надписи, обнаруженные на территории Республики Алтай. Во время полевых работ в этом регионе авторы исследовали около 100 надписей. В Атласе уделяется внимание дешифровке и новым прочтениям давно известных и недавно обнаруженных надписей, сделаны транскрипции и транслитерации, которые мы подвергаем анализу в нашей статье.

Для реализации выдвинутой цели мы используем методологию диахронной лингвистики для того, чтобы выявить происхождение посессивных аффиксов и, используя методы понятийного мышления, определить особенности посессивного мышления древних тюрков, отраженного в аффиксах древнейших рунических памятников письменности.

Во второй половине двадцатого века в структуре метода компаративистики произошли изменения в области лингвистического исследования. Во-первых, если ранее отдавался приоритет по решению проблем определения родства языков, то есть отдавался приоритет гомогенным явлениям, то теперь стали использовать достижения функциональной грамматики, и это приводило к историческому сравнению функций тех или иных лингвистических форм. Во-вторых, произошла тенденция объединения синхронии и диахронии; в-третьих, в настоящее

время появилась необходимость поиска детерминации и причинных связей внутри исследуемой структуры языка. Мы считаем, что поиски детерминации и причинных связей в структуре древнетюркского языка позволяет решить проблему происхождения категории посессивности, используя для этого приемы реконструкции праформы посессивных аффиксов.

Для выявления особенности посессивного мышления древних тюрков мы используем методологию Л. Леви-Брюль (1950, с. 210) и К. Леви-Стросс (1994, с. 111–336). Так, Леви-Брюль использовал приемы для определения ментальности древних людей как совокупность социальных представлений, то есть в нашем случае мы понимаем это понятие в самом широком смысле слова, как общие посессивные представления в социальном племени или роде о социальном мире. Леви-Брюль использовал основные концепции Э. Дюркгейма, где коллективные представления определены как система верований и чувств, общая для всех членов племени и не зависящая от индивидуальных особенностей личности. Он подчеркнул, что эти коллективные представления обладают своими уникальными особенностями: эмоциональную интенсивность и нечувствительность к логическим противоречиям. Кроме того, он вводит термин «паралогическое мышление», а это уже коллективное представление. И последнее подчинено определенным закономерностям, основным из которых является закон сопричастности. Это, прежде всего, потребность в сопричастности своей социальной группе, то есть каждая личность обладает «неотчуждаемой» принадлежностью в структуре своего племени. В результате исторического развития коллективные представления все больше приближаются к индивидуальным представлениям, формируя посессивные отношения между членами в социуме, то есть человек начинает выделять себя из среды, к которой он ощущает принадлежность. Именно в этот момент начинает формироваться его личностная идентичность. Человек начинает познавать себя и окружающий мир в неразрывном единстве. Согласно методологии К. Леви-Стросс, функция мышления состоит в категоризации мира с помощью бинарных оппозиций – «Я» и «Не-Я».

Итак, применение приемов компаративистики и методов исследования понятийного мышления позволило выявить важность коллективного сознания в образовании и дальнейшего развития категории посессивности в языке древних тюрков, сохранившейся во многих функционирующих языках тюркских народов. Однако эта коллективность в древнетюркском языке в структуре сознательного «Я» и «не-Я» все еще находилось в состоянии слабой недифференцированности. Однако древний человек, развивая в себе представление о «Я» и «Не Я», начинал относиться к своему переживанию, рефлексии с точки зрения «моего» и «не моего», «того, чем я обладаю» и «того, чем я не обладаю», «того, чего я хочу» и «того, чего я не хочу». Итак, эта некая попытка фиксироваться во времени и пространстве, пребывающего в постоянном движении и изменении во внешнем и во внутреннем мире человека.

Результаты и обсуждение

1. Категория принадлежности и посессивное мышление древних тюрков

Древнетюркский язык, сохранивший архаические формы языкового строя, оформляет сказуемое аффиксами посессивности. И порядок слов в предложении «субъект + объект + действие» («bodun ertim») (Каиржанов, 2017, с. 211). Однако

это посессивное сказуемое содержит в себе указание, как на исполнителя действия, так и на объект действия. Рассмотрим текст из «Памятника в честь Кюль-тегина» (КТ): «*bodun anča timis. «ellig bodun ertim. elim amty qany? Kimke elig qazyanur men», -tir ermis. «Qayanlıy bodun ertim. Qayanyum qany? Ne qayanqa isig küçig birürmin», -tir ermis. Anča tip tabyaç qayanqa jayy bolmys»* – «так сказал: «Был народ, у которого было государство. Где государство теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» – так они сказали. Так говоря, стали врагами табгачскому кагану» (Каиржанов, 2017, с. 211). Категория принадлежности пронизывает все части тюркской речи. Например, парадигма спряжения глагола в условной форме отображается как рефлекс в языках, таких как тувинский и казахский. В данных языках для формирования основы спрягаемого глагола в первом и втором лицах используется объединение самого глагола с аффиксом *-sy (-si)*. Далее к полученной основе добавляется аффикс, указывающий принадлежность к определенному лицу, а также формант условной формы *-sa (-se)*, *-za (-ze)* (Тенишев, 1988, с. 354).

Таблица 1. Спряжение глагола в форме условия в единственном и множественном числе

Единственное число		Множественное число	
1 лицо	al-zy-m-za, al-dy-m	1 лицо	al-zy-vys-sa, al-dy-m-yz
2 лицо	al-zy-ŋ-za, al-dy-ŋ-ba	2 лицо	al-zy-ŋar-za, al-dy-n-yz
3 лицо	al-za, al-dy	3 лицо	al-za-lar, al-dy

Таким образом, в тюркских языках формы спряжения в условном наклонении для первого и второго лица в единственном числе и множественном числе имеют аналитическую структуру, включая основу спрягаемого глагола + аффикс причастия на *dy (-di) < -dyγ / (-dig)* + аффикс принадлежности соответствующего лица + связку, состоящую из основы вспомогательного глагола *er- (ir-)* и условной формы на *-sa (-se)* (Тенишев, 1988, с. 354). Условная форма на *-sa ~ -za ~ -la ~ -ha* восходит к более полному алломорфу *-sa-r ~ -la-r*, встречающемуся в древнетюркском языке *aç-sa-r* («если голоден»), *tod-sa-r* («если сыт») и т. п. (Тенишев, 1988, с. 354–355). Так, личные окончания в 1-х и 2-х лицах совпадают с притяжательными окончаниями существительных. В настоящее время оба типа личных окончаний принято считать, что они возникли независимо друг от друга, и их можно отнести к древним формам образования в истории тюркского глагола (Тенишев, 1988, с. 375).

Здесь наблюдаем архаический порядок слов в предикации («*bodun ertim*»), в которой посессивность выражена очень ярко – «объект + действие с аффиксом, выражающий посессивность *-m*». В этом случае мы имеем как глагол, так и имя, использованные в предикативном смысле, что свидетельствует о рефлексе прототюркского состояния, когда еще не полностью формировались грамматические категории, и части речи не были четко разграничены, что является следствием рудиментов фетишизма (Лосев, 1982, с. 291). Но здесь проявляется фетишизация силы и ловкости вождя, в данном историческом случае деятельность Эль-Терис кагана. Кроме того, в этой слитности глагола и посессивного аффикса *-m* отражается

не столько действие, а сколько субъект является обладателем действия. Фактически действие, совершаемое субъектом, приписывается ему предикатом, потому что этот предикат ему только свойственен и ему всецело принадлежит.

Итак, в древнетюркскую эпоху человеческая абстракция сумела абстрагироваться от безличных объектов к осознанию субъекта, хотя этот субъект оставался недифференцированным, представляя собой неопределенное сочетание «Я – Не-Я», рассматриваемое как инструмент в неструктурированном чувственном опыте человеческой силы и ловкости. Древнетюркская концепция принадлежности рассматривала этот субъект как одновременно владельца и обладателя определенных действий и состояний, и такая категория посессивности в грамматическом смысле еще слабо указывала на субъект действия.

Теперь приступим о логической и смысловой природе категории принадлежности древнетюркского языка. Эту категорию выработало такое мышление, которое касалось взаимосвязей между объектами. В структуре этих взаимоотношений появилась логика принадлежности, которая отражает взаимосвязи между вещами и стремится выделить материальные связи из общего контекста окружающего мира. Эта высший уровень абстракции отражается в грамматической структуре древнетюркского языка. На этой стадии абстракции возникают сложности в определении причинных связей и взаимодействия, поскольку мышление начинает оперировать свойствами и признаками предметов, а посессивность между субъектом и объектами проявляется, не предоставляя явного представления о причинных связях этих вещей (Лосев, 1982, с. 297). Итак, древнетюркское мышление, определяя взаимоотношения вещей по отношению к субъекту, начинает выделять категорию принадлежности под влиянием и воздействием ритуального общества. Именно в такой прогрессирующей общности людей, объединенных в племенной союз, вопросы принадлежности начинают выполнять заметную роль в жизни индивида. Мы считаем, что появление посессивного мышления связано, прежде всего, с процессами в структуре первобытной эпохи, с общественным мифологическим сознанием племени. Поэтому категория принадлежности возникла, по-видимому, раньше категории самой личности. В этом отношении мы можем утверждать, что сформировалось посессивное мировоззрение, позволившее появлению специальных посессивных показателей, аффиксов, распространившихся синтетическим образом на все части тюркской речи.

Дальнейшее развитие посессивного мышления привело к усилению дифференциации представлений о принадлежности окружающего человека предметов органического и неорганического явления. Мышление древних тюрков, открывших для себя эту категорию, сделали принадлежность основополагающим принципом своего мышления и сознания. Изучение этого типа мышления было начато первыми учеными, такими как Р. Кодрингтон и Л. Леви-Брюль (Леви-Брюль, 1950, с. 210), подвергшие исследованию язык меланезийских языков. Их наблюдения показали, что в этих языках существительные подвергаются разделению на две категории в результате воздействия посессивного мышления: 1) существительные + посессивный аффикс, обозначающий часть органического целого (например, *ulu-m*, что означает "твоя голова"), что подчеркивает, что посессивность образована синтетическим образом. 2) Аналитические конструкции – притяжательное слово + существительное (*nugu + mal* 'моя одежда'). существует различие между

органической принадлежностью или неотъемлемой принадлежностью и внешней, случайной принадлежностью. Однако если слово из первого класса перенести во второй класс, то это слово подвергается семантическому сдвигу и слово получает совершенно новое значение (Леви-Брюль, 1950, с. 210). В древнетюркских рунических памятниках письменности (если рассматривать и одиночные надписи на камне, и на предметах) синтетические формы посессивности преобладают над аналитическими конструкциями посессивности. С точки зрения древнетюркской логики возникает процесс отождествления «Я» и «Не-Я». Представим типологию древнетюркского посессивного отождествления.

Таблица 2. Типология синтетического посессивного отождествления «Я» и «Не-Я»

№ п/п	Типы отождествления «Я» и «Не-Я»	Иллюстрация примеров из рунических памятников письменности
1	«Я» и «Не-Я» (органические взаимоотношения)	<i>Qaŋum türük bilige qaŋan bödke olurtym</i> («Памятник в честь Бильге-кагана») (Каиржанов, 2017, с. 91).
2	«Я» и «Не-Я» (социальные взаимоотношения)	<i>älim, qanım sizä bökmädim // kün aj ölürtim, jita</i> (Е, второй памятник из Кызыл-Чира, 4) (Малов, 1952, с. 78).
3	«Я» и «Не-Я» (природные взаимоотношения)	<i>Jašil qaja jailayım, qizil qaja qišlayım</i> (İB, LI) (Kairzhanov, Ayurova и др., 2018, с. 163).
4	«Я» и «Не-Я» (взаимоотношения с предметами)	<i>oj sänhir älšig iti</i> (Сарткожаулы, 1990, с. 21–23).
5	«Я» и «Не-Я» (синергетические взаимоотношения)	<i>Ne qaŋanqa içig küçig birürmin? – tir ermiş</i> («Памятник в честь Бильге-кагана») (Каиржанов, 2017, с. 92). <i>Ol jylquy alyp igit(t)im</i> («Памятник в честь Бильге-кагана») (Каиржанов, 2017, с. 94).

Итак, проведенное нами исследование демонстрирует нам, что общественный фактор выполняет ведущую роль, который понятен и наиболее близок древнетюркскому человеку. Ведь взаимосвязь между частями организма и их взаимодействие с самим организмом аналогичны отношениям между индивидами в структуре племени и их взаимосвязями с обществом. Возникает живая целостность, которая проявляется как органическая, так и социальная, отражаясь в разнообразии предметов, окружающих человека. Эти примитивные элементы мышления прослеживаются в языке древних тюрков, где это мышление закрепляется через категорию посессивности, проистекающую из абсолютных органических представлений, охватывающих всю доступную в то время сферу бытия. Из таблицы явствует, что возникает отождествление человека с природой. В древнетюркскую эпоху на рубеже двух эр и в раннем Средневековье в рунических больших и одиночных текстах мы наблюдаем, что в рамках племени человек

меньше всего заботился и ограничивал свое сознательное «Я» границами своего физического тела. Его осознанная личность включала в себя различные личные предметы, такие как оружие, одежда, продукты питания и вообще всё, что ему принадлежит. Однако все это зависело от его социального статуса в племени или в племенном союзе. Это объясняется «неотчуждаемой» принадлежностью. Археологические разыскания показали, но не объяснили, почему сложился обычай захоронения покойника вместе с его личным оружием, одеждой и всем тем, что он обладал при жизни. Умерщвление близких ему людей и животных. Например, об этом свидетельствует захоронение праха Кюль-тегина в VIII веке н.э. Это фактическое отождествление человека с его личными предметами отражается и закрепляется в языке специальными посессивными показателями. Даже после того, когда возникают аналитические конструкции (под влиянием согдийского языка) посессивности типа «личное местоимение + существительное + аффикс посессивности», синтетический аффикс не исчезает. Сравните, например: *«tenin (benin) bitigim»* (буквально означает 'моя книга моя').

Это отсутствие различий отражается в сознании человека, однако в языке оно фиксируется и воспринимается в форме ясных и подробных концепций о принадлежности. Отсутствие различий между «Я» и «Не-Я» выражается через грамматическое и логическое содержание притяжательных показателей, которые представлены в виде своего рода аффикса (или алломорфа), используемого для выражения принадлежности. Итак, посессивные аффиксы являются теми древнейшими рудиментами, указывающими, прежде всего, на «неотчуждаемую» принадлежность. И этот рудимент чувственно-вещевой фетиш подвергается аннигиляции с постепенным переходом от фетишизма к анимализму, подвергаясь процессу агглютинации древнетюркского языка. В свою очередь, анимализм создает условия для отождествления личности и с природой, и с органическими системами, но в позднее время, переходя в структуру митраизма (Каиржанов, 2021, с. 158–166), в древнетюркской интерпретации, фиксируемые в рунических текстах, эти процессы в мышлении древних тюрков протекают во взаимоотношениях Тенгри и Умай. Сравните, например, текст из «Памятника в честь Кюль-тегина (КТ): *«üze kök tenri, asra jayuz jer qylyntuqda ekin ara kisi oğly qylynmys. Kisi oğlynda üze eçüm apam bumyn qağan, istemi qağan olurmys. Olurypan türük bodunyn elin, törüsün tuta birmis, iti birmis»* (Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 186).

Теперь необходимо рассмотреть проблемы образования аффиксов, обозначающих принадлежность, в тюркских языках.

2. Вопросы образования аффиксов принадлежности

Все тюркские языки обладают грамматической категорией принадлежности, присущей именам существительным. Эту грамматическую категорию впервые определил в 1956 году Н. К. Дмитриев следующим образом: «[эта категория] ... выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя» (1956, с. 22–37).

Категория принадлежности может быть выражена различными способами:

1) Морфологическим способом, используя особые морфемы – аффиксы принадлежности, которые добавляются к основе существительного. В зависимости от последней буквы основы слова существует два варианта аффиксов: а) если основа оканчивается на гласный: турецк. –m, -n, -si (-sı), -miz (-mız, -muz, -müz), -ları (-leri);

б) если основа оканчивается на согласный: турецк. – (1, i, u, ü) m, -(1, i, u, ü) n, -i (-sı), -miz (-mız, -muz, -müz), -ları (-leri). Например, *teyze-m* («моя тётя»), *amca-n* («твой дядя»), *defter-i* («его (ее, их) тетрадь»), *dost-umuz* («наш друг (подруга)»), *anne-niz* («ваша мама»).

2) Морфолого-синтаксически, а именно при помощи личных местоимений в родительном падеже, расположенных перед определяемым объектом, а также соответствующих аффиксов принадлежности, добавляемых к концу названия объекта обладания. Например, в турецком языке *benim ablam* («моя сестра»), *onların kardeşi* («их младший/ая брат/сестра»); в якутском языке *qı:hiñ* («твоя дочь»), *qı:hibit* («наша дочь»); в казахском языке *seniñ qalamuñ* («твоя ручка»), *onuñ dosy* («его/ её друг»).

3) Синтаксическим способом, а именно при помощи сочетания притяжательной формы личных местоимений с наименованием объекта обладания. Например, в узбекском языке *mäniñ uj* («мой дом»), *säniñ uj* («твой дом»), *uniñ ujı* («его (ее) дом»); в тофаларском языке *miim ayt* («мой конь»), *silerniñ boo* («ваше ружье») (Каиржанов, 2018, с. 15–16).

Аффиксы принадлежности были использованы в тюркских языках еще в древности. Доказательством этого служит фраза на языке хунну, записанная иероглифами в китайской летописи 4 века. В.П. Васильев прочитал эту фразу как: «сю чжи тилэй гян пугу тугоудан», а В.В. Радлов восстановил тюркское звучание как: «*süsi sülägän pugu tutkan*» – («войско выйдет, Пугу будет схвачен») (Каиржанов, 2018, с. 15–16). В данном примере рассматривается словоформа *süsi*, где *sü* обозначает «войско», а *si* – аффикс принадлежности. Также приводятся значения слов *sülä-* («ходить с войском, совершать набег») (ДТС, 1969, с. 517) и *tut-* («ловить, захватывать в плен») (ДТС, 1969, с. 491), также упоминается имя собственное *Buça қап* (ДТС, 1969, с. 120). Исходя из этого, предложение можно трактовать как «Отправиться с войском в поход и захватить Бугу в плен». Кроме того, эта грамматическая категория была нами попутно проанализирована при анализе текстов притч в одной древнетюркской книге X века «*İrq bitig*» (Kaizhanov, Auurova и др., 2018, с. 100–109).

Итак, подведем итоги по исследованию истории происхождения и функционирования посессивных аффиксов. Первое важное наблюдение – это то, что аффиксы принадлежности в тюркских языках могут быть прибавлены только к формам родительного падежа личных местоимений. Второе, семантическое и функциональное развитие постпозитивных местоимений происходило путем постепенного сокращения лексического значения и усиления формально-грамматического значения, с сопровождением постепенной утраты «острого» ударения. Третье, процесс сокращения местоимений в первом и втором лице протекал по-разному: местоимение первого лица, потерявшее самостоятельное ударение (получившее «тупое» ударение, образуя «вялую» артикуляцию), начало терять звуки с конца, сохраняя лишь начальный звук [m], который стал морфемой принадлежности первого лица единственного числа. Местоимение второго лица сохранило конечный звук [ŋ] в качестве морфемы принадлежности второго лица единственного числа; Ш.Х. Акбаев высказывает схожие точки зрения (1976, с. 7–10). Почему же сокращение форм первого и второго лица происходило по-разному? Для разьяснения этой сложной проблемы целесообразно применить методы изоморфизма (выделение сходства явлений). В тюркских языках, где сложившиеся

притяжательные аффиксы продолжали постепенно исчезать, превращаясь в односложные притяжательные морфемы, соблюдая законы гармонии гласных, что соответствовало их аффиксальной природе. Перейдя в положение аффиксальных морфем и получив второстепенное ударение («тупое» ударение), эти морфемы начали упрощаться с фонетической точки зрения. При этом второстепенное ударение приходилось на второй слог притяжательного аффикса, что приводило к форме *mānin* > -m как результату губной ассимиляции *ŋ* > -m под воздействием начального -m, а форма *sānin* сократилась до -ŋ (Каиржанов, 2018, с. 16).

В древнетюркском языке уже различаются и имена, и глаголы, да и другие части речи. Мышление и язык формируют местоименные индикаторы, будь то личные или притяжательные. Однако, по своему смысловому содержанию все такие местоимения, как *mān* (*bān*), *sān*, *mānin*, *sānin* и другие, по-прежнему были слишком слитны с неличными предметами, то есть с «не-Я». Это связано с тем, что личное в то время еще не имело яркой дифференциации от природных явлений и ритуального общества на ранних этапах исторического развития тюркского Эля. В древнетюркскую эпоху тенденция мыслительного разделения «Я» от «не-Я» свершилось по их содержанию. Однако с причинными связями посессивность являлась чем-то внешним, зависящим от чувственных отношений над логическим анализом.

Анализ эмпирического материала позволило нам получить следующие результаты: категория принадлежности возникла в континууме племенного союза, рода и в этой среде и сформировалась личность человека. Как только человек начал отображать отношения между объектами в словах, появились концепции принадлежности, которые выражались с помощью грамматических средств, таких как аффиксы. Эти средства позволили человеку обозначать и отражать коллективную принадлежность к окружающим объектам. Это проявилось в структуре языка определенных групп людей, племен, живущих в том же регионе степной зоны Евразии. Таким образом, стали осознаваться взаимоотношения между объектами в терминах принадлежности, прежде всего как коллективной принадлежности (член конкретного племени, рода не мог жить и находиться вне этой фратрии), возникшее, по-видимому, в рамках жесткого ритуального общества. Разветвленная система тюркской посессивности объясняется еще и тем, что в древнейшую эпоху сознательное «Я» не подверглось дифференциации от «не-Я». Поэтому аффиксы принадлежности являются следствиями древнего недифференцированного посессивного мышления пратюрков. Особой чертой этой категории является то, что она выражает не только посессивность, но и притяжательность в широком смысле слова (Севортян, 1956, с. 43), то есть посессивность понимается как «неотчуждаемая» принадлежность человека. Об этом свидетельствует в древнетюркских памятниках письменности VIII века обряд захоронения, что объясняется следствием или последствием «неотчуждаемой» принадлежности человека.

Древние тюрки, открывшие впервые для себя категорию принадлежности, сделали её ключевым и неотъемлемым элементом своего мировоззрения. Так, в древнетюркском языке категория принадлежности может быть применена к практически всем существительным в синтетической форме. Простое (именное) определение может принимать форму атрибутивного выражения через использование прилагательного, существительного (изафет), местоимения или

числительного. В тюркской коллективности мы наблюдаем одну закономерность, что в ее структуре сознательное «Я» и «Не-Я» все еще находилось в состоянии слабой недифференцированности, которое можно объяснить, с одной стороны, природой тюркских языков, агглютинацией. С другой, особая «вялая» артикуляция тюркской речи отличается от подобной артикуляции, например, в индоевропейских языках, что позволяет не различать в речевом такте ударные и безударные слоги в потоке речи.

Образование и функционирование посессивных аффиксов в тюркских языках тесно связаны с формами родительного падежа личных местоимений. В этих языках постпозитивные местоимения развивались, проходя через постепенное сокращение лексического значения и усиление формально-грамматического значения. Этот процесс сопровождался утратой «острого» ударения в речи. Сокращение местоимений в первом и втором лице происходило по-разному: местоимение первого лица, лишившееся самостоятельного ударения (и, таким образом, приобретшее «тупое» ударение и вызвавшее так называемую «вялую» артикуляцию), подверглось утрате звуков с конечной части и сохранило только начальный звук [m], который стал морфемой принадлежности первого лица в единственном числе. Местоимение второго лица сохранило конечный звук [ŋ] в роли морфемы принадлежности второго лица в единственном числе. Притяжательные аффиксы в тюркских языках постепенно исчезали, превращаясь в односложные притяжательные морфемы, соблюдая законы гармонии гласных в соответствии с их агглютинативной природой.

Заключение

В результате проведенного исследования и обобщения ряда работ, посвященных изучению категории принадлежности, мы пришли к следующему заключению.

1. В древнетюркском языке аффикс принадлежности является рефлексом мышления тюркского человека, и грамматически репрезентируется через лицо и число субъекта обладания. Эта грамматическая категория выражает связь между обладателем и объектом принадлежности, которое может выразить также и число объекта. Формы принадлежности в первую очередь определяются фонетическими явлениями в системе согласных и гласных фонем, схваченные закономерностями агглютинации языка и действием закона сингармонизма. В древнетюркском языке явления сингармонизма является подавляющим и охватывающим все слова в потоке речи. Это обусловлено особенностью, известной как «вялая артикуляция», потому что экспериментально доказано, что в потоке речи слова не обладают острым ударением, то есть отсутствием ударных и безударных слогов в речевом такте или во фразе. В связи вышеупомянутых процессов аффиксы принадлежности могут быть классифицированы на два типа в зависимости от того, оканчивается ли фонетическая основа слова на гласный или согласный звук. Кроме того, эти аффиксы, помимо выражения значений обладания и собственности, взаимодействуют с различными семантическими группами, такими как термины родства, простые числительные в качестве имен существительных, обращения к конкретным лицам, обозначение частей тела, бытовых предметов, абстрактных понятий и т. д., что позволяет выражать разнообразные отношения, основанные на органической связи между предметами или лицами. Будучи грамматической

формой существительного, аффиксы принадлежности также могут сочетаться с другими частями речи, например, с числительными, когда они используются в качестве имен существительных.

2. Практическая значимость проведенного исследования заключается, прежде всего, в том, что, предлагаемая нами типология посессивного отождествления «Я» и «Не-Я», позволяет подвергнуть исследованию категорию посессивности в других тюркских памятниках письменности раннего и позднего Средневековья карлукской, кыпчакской и огузской группах тюркской языковой семьи, используя для этого методы современной лингвистики, в синхронно-диахроническом аспекте.

Список использованной литературы

- Акбаев Ш.Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках. Тюркологические исследования. Москва: Наука, 1976. 271 с.
- Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана: ProsperPrint, 2013. 268 с.
- Дмитриев Н.К. Категория принадлежности. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. Москва, 1956. 335 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 567 с.
- Есипова А.В. Механизм выделения словообразовательных и словоизменительных аффиксов // Становление и развитие науки в Туве: Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности. Кызыл, 2000. №1. С. 22–23.
- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана: Кюль-тегин, 2006. 360 с.
- Каиржанов А.К. Митраизм как логос света, мира и согласия // Рукопись: альманах. Ростов-на-Дону, 2021. №36. С. 158–166.
- Каиржанов А.К. Сравнительно-историческая фонетика, морфология, синтаксис в тюркском языке: учебник. Астана: ЕНУ, 2017. 294 с.
- Каиржанов А.К. Лингвистическая методология: учебное пособие для магистрантов. Астана: ЕНУ, 2018. 112 с.
- Краснощеков Е.В. Выражение притяжательности с помощью аффиксов принадлежности в тюркских языках // Известия ЮФУ. 2013. №10. С. 18–24.
- Леви-Брюль Л. Выражение принадлежности в меланезийских языках. Эргативная конструкция предложения. Москва: Наука, 1950. 262 с.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление. Москва: Республика, 1994. 384 с.
- Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф. Москва: МГУ, 1982. С. 290–302.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Исследования и тексты. Москва–Ленинград, 1952. 116 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Москва–Ленинград, 1951. 451 с.
- Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Современная тюркология и международное сотрудничество на Евразийском пространстве // Global-Turk. International Journal for Information and Analytics. Turkic Academy. 2014. №1. Р. 19–34.
- Сарткожаулы К. Гуннское письмо // Альманах Алем. Алма-Ата. 1990. №1. С. 21–23.
- Севортян Э.В. Категория принадлежности. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Москва: Наука, 1956. 335 с.

- Сепир Э. Язык: пер. А.М. Сухотина. Москва: Юрайт, 2019. 211 с.
- Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. Москва: Наука, 1988. 560 с.
- Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чумыско-тюркском языках // Журнал лингвистических и антропологических исследований ТГУ. 2015. №4. С. 24–35.
- Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg: Winter, 1918. 48 p.
- Bang W. Turcica I. Istanbul, 1914. P. 89–91.
- Bang W., Gabain A. V. Türkische Turfan-Texte I: Bruchstücke eines Wahrsagebuches. Berlin: SPAW, 1929. 411 p.
- Erdal M., Nevskaya I., Nugteren H., Rind-Pavlovski M. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1: Texte und Glossar, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2013. 252 p.
- Kairzhanov A. Staroturecki hymn na cześć Kiul-tegina // Nowe Milenium. 2018. Vol.1(1). P. 2–21.
- Kairzhanov A., Ayupova G., Shaldarbekova A. The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations «İrq bitig» of X Century // Utopia y Praxis Latino Americana. 2018. Vol.23(82). P. 100–109.
- Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotacho. III. Berlin: APAW, 1922. 49 p.
- Muhamedova R. Kazakh a Comprehensive Grammar. London, 2015. 348 p.

References

- Akbaev, Sh.H. (1976). *K voprosu o proiskhozhdenii possessivnykh affiksov v tyurkskikh yazykakh. Tyurkologicheskie issledovaniya* [On the issue of the origin of possessive affixes in Turkic languages. Turkic Studies]. Moskva: Nauka. (in Russ.).
- Vasil'ev, D.D. (2013). *Korpus tyurkskikh runicheskikh nadpisey Yuzhnoy Sibiri. Ch. 1. Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya* [Corpus of Turkic runic inscriptions of Southern Siberia. P. 1. Ancient Turkic epigraphy of Altai]. Astana: Prosper Print. (in Russ.).
- Dmitriev, N.K. (1956). *Kategoriya prinadlezhnosti. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya* [Category of possessiveness. Research on comparative grammar of Turkic languages. P. 2. Morphology]. Moskva. (in Russ.).
- Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary] (1969). Leningrad: Nauka. (in Russ.).
- Esipova, A.V. (2000). Mekhanizm vydeleniya slovoobrazovatel'nykh i slovoizmenitel'nykh affiksov [Mechanism of separation of word-forming and word-forming affixes]. In *Stanovlenie i razvitie nauki v Tuve: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu tuvinskoj pis'mennosti*. Kyzyl, 1, 22–23. (in Russ.).
- Zholdasbekov, M. & Sartkozha, K. (2006). *Atlas Orchonskikh pamyatnikov* [Atlas of Orkhon monuments]. Astana: Kyul'-Tegin. (in Russ.).
- Kairzhanov, A.K. (2021). Mitraizm kak logos sveta, mira i soglasiya [Mithraism as the logos of light, peace, and harmony]. *Rukopis': al'manakh*. Rostov-na-Donu, 36, 158–166. (in Russ.).
- Kairzhanov, A.K. (2017). *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika, morfologiya, sintaksis v tyurkskom yazyke: uchebnyk* [Comparative-historical phonetics, morphology, syntax in the Turkic language: textbook]. Astana: ENU. (in Russ.).
- Kairzhanov, A.K. (2018). *Lingvisticheskaya metodologiya: uchebnoe posobie dlya magistrantov* [Linguistic Methodology: a textbook for master's students]. Astana: ENU. (in Russ.).

- Krasnoshchekov, E.V. (2013). Vyrazhenie prityazhatel'nosti s pomoshch'yu affiksov prinadlezhnosti v tyurkskikh yazykakh [Expressing possessiveness using affixes of belonging in Turkic languages]. *Izvestiya YUFU*, 10, 18–24. (in Russ.).
- Levi-Bryul', L. (1950). *Vyrazhenie prinadlezhnosti v melanezijskikh yazykakh. Ergativnaya konstruktziya predlozheniya* [Expressing belonging in Melanesian languages. Ergative sentence construction]. Moskva: Nauka. (in Russ.).
- Levi-Stross, K. (1994). *Pervobytnoe myshlenie* [The primitive thinking]. Moskva: Respublika. (in Russ.).
- Losev, A.F. (1982). O tipakh grammaticheskogo predlozheniya v svyazi s istoriey myshleniya [On the types of grammatical sentences in connection with the history of thinking]. *Znak. Simvol. Mif*. Moskva: MGU, 290–302. (in Russ.).
- Malov, S.E. (1952). *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov: Issledovaniya i teksty* [Yenisei written language of the Turks: Research and texts]. Moskva–Leningrad. (in Russ.).
- Malov, S.E. (1951). *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti* [Monuments of ancient Turkic writing]. Moskva–Leningrad. (in Russ.).
- Nevskaya, I.A. & Tazhibaeva, S.Zh. (2014). Sovremennaya tyurkologiya i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo na Evraziyskom prostranstve [Modern Turkology and international cooperation in the Eurasian space]. In *Global-Turk. International Journal for Information and Analytics*. Turkic Academy, 1, 19–34. (in Russ.).
- Sartkozhauly, K. (1990). Gunnskoe pis'mo [Hun letter]. In *Al'manakh Alem*. Alma-Ata, 1, 21–23. (in Russ.).
- Sevortyan, E.V. (1956). *Kategoriya prinadlezhnosti. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov*. [Category of possessiveness. Research on comparative grammar of Turkic languages]. Moskva: Nauka. (in Russ.).
- Sepir, E. (1934). *Yazyk* [Language]: per. A.M. Sukhotina. Moskva: Yurayt. (in Russ.).
- Tenishev, E.R. (1988). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: morfologiya* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages: morphology]. Moskva: Nauka. (in Russ.).
- Tokmashev, D.M. & Lemskaya, V.M. (2015). Kategoriya prinadlezhnosti v teleutskom i chumysko-tyurkskom yazykakh [The category of possessiveness in the Teleut and Chumy-Turkic languages]. *Zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy TGU*, 4, 24–35. (in Russ.).
- Bang, W. (1918). *Monographien zur türkischen Sprachgeschichte*. Heidelberg: Winter. (in German).
- Bang, W. (1914). *Turcica I*. Istanbul.
- Bang, W. & von Gabain, A. (1929). *Türkische Turfan-Texte I: Bruchstücke eines Wahrsagebuches*. Berlin: SPAW. (in German).
- Erdal, M., Nevskaya, L., Nugteren, H. & Rind-Pavlovski, M. (2013). *Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1: Texte und Glossar*, Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. (in German).
- Kairzhanov, A. (2018). Staroturetskiy hymn na cześć Kyul-tegina. *Nowe Milenium*, 1(1), 2–21.
- Kairzhanov, A., Ayupova, G. & Shaldarbekova, A. (2018). The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations «İrq bitig» of X Century. *Utopia y Praxis Latino Americana*, 23(82), 100–109.
- Le Coq, A. (1922). *Türkische Manichaica aus Chotacho. III*. Berlin: APAW. (in German).
- Muhamedova, R. (2015). *Kazakh a Comprehensive Grammar*. London.

А.Е. Андирова, А.К. Каиржанов

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан*

**ЕЖЕЛГІ ТҮРІКТЕРДІҢ ТӘУЕЛДІЛІК КАТЕГОРИЯСЫ ЖӘНЕ
ПОСЕССИВТІ ОЙЛАУЫ
(руникалық жазба ескерткіштерінің негізінде)**

Аңдатпа. Ұсынылған мақалада ежелгі түркілердің посессивті ойлауының тарихи-философиялық негіздемесі және синтетикалық морфологиялық жолмен, яғни аффикстердің көмегімен құрылған түркі тілдеріндегі тәуелділік категориясы лингвистикалық тұрғыдан қарастырылған. Ғалымдардың әртүрлі зерттеулерінің негізінде авторлар ежелгі түркі тіліндегі тәуелділік құрылымдар тақырыбының өзектілігін анықтады, өйткені тәуелділік аффикстердің ең көне дәуірдегі түркі дүниетанымына ғана тән «ажырамайтын» тиесілік қасиеттері бар. Тәуелділік формаларының көп зерттелгеніне қарамастан, олардың негізгі қалыптасу жолдары мен пайда болу себептерін, олардың қалыптасуының грамматикалық тәсілдерін теориялық тарихи деректермен толықтыру және оларды синтаксистік қатынастарды білдіру құралы ретінде пайдалану мақсатында толығырақ зерттеуді қажет ететін тәуелділік түрлері бар. Авторлардың алға қойған зерттеудің мақсаты – ежелгі түркі тілдерінде аффикстерде көрініс тапқан посессивті ойлау ерекшеліктерін және «ажырамайтын» иелену субъектісінің тұлғасы мен санын анықтау. Грамматикалық рефлексияның арқасында пайда болған және барлық қазіргі түркі тілдерінде сақталған тәуелділік білдіру құралдарымен байланысты Ұлы дала көшпенділерінің дүниетанымының өзіндік ерекшелігі талданады. Руникалық жазба ескерткіштерінің эмпирикалық материалы пайдалана отырып; ежелгі түркі тіліндегі тәуелділік аффикстердің пайда болуы мен қолданылу сипаты анықталады.

Түйінді сөздер: посессивтілік, «ажырамайтын» тәуелділік, праформа, синтетизм, аффикстер, аккультурациялық процестер.

A.Y. Andirova, A.K. Kairzhanov

*L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan*

**THE CATEGORY OF BELONGING AND POSSESSIVE THINKING
ANCIENT TURKS
(based on runic written monuments)**

Abstract. The proposed article substantiates the possessive thinking of the ancient Turks and explores the category of belonging in various texts of the Old Turkic language, formed by synthetic morphological means, that is, through possessive affixes. On the basis of various researches of scientists, the authors indicate the relevance of the subject of possessive constructions in the ancient Turkic language, as affixes of belonging have “inalienable” properties of belonging, inherent only to the Turkic worldview of the most ancient times. Despite the extensive research on possessive forms, there are types of possessiveness that require more detailed study. This is necessary to enrich theoretical

and historical data on the main pathways of formation and reasons for their emergence, grammatical methods of their formation, and their use as a means of expressing syntactic relationships. The authors have set the goal of the research to identify the peculiarities of possessive thinking among ancient Turks, as reflected in possessive affixes, and to examine how both the person and number of the subject of “inalienable” possession are expressed. The analysis focuses on the specific feature of the worldview of the nomads of the Great Steppe, which is linked to the means of expressing possession that emerged through grammatical reflection and has been preserved in all modern Turkic languages. On the empirical material of runic written monuments, the nature of origin and functioning of affixes of belonging in the Old Turkic language is revealed.

Keywords: possessiveness, “inalienable” belonging, Turkic language, affixes, runic written monuments.

Вклад авторов

Андирова А.Е. – концептуализация, формальный анализ, роли/письмо – первоначальный проект, ресурсы.

Каиржанов А.К. – методология, надзор, написание – обзор и редактирование.